

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРОФЕССИОНАЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (размышления над новой книгой Н.Е. Тихоновой и её коллег)

Аннотация. Вышедшая в 2023 г. книга Н.Е. Тихоновой и её коллег «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы» продолжает цикл их многолетних исследований различных аспектов состояния и развития российского социума. Профессионалы как предмет анализа данной работы представляют большой интерес не только для социологов, но особенно для экономистов. От качества именно профессионалов в решающей мере зависят перспективы реализации тех возможностей, которые открываются перед Россией на новом этапе научно-технического развития. В статье анализируется содержание книги, отмечаются применяемые авторами методологические новации, уточняются формулировки таких понятий, как «профессионал», «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и др. Особое внимание уделено качественным характеристикам человеческого капитала профессионалов, проблемам их социальной и экономической успешности. Рассматривается роль территориальных особенностей страны в процессах и формирования человеческого капитала, и его монетизации как мотивов миграционной активности профессионалов. Отмечаются препятствия в развитии профессионалов, которые ставит перед ними несовершенство существующей в России институциональной структуры.

Ключевые слова: *профессионал, человеческий капитал, человеческий потенциал, социальная успешность, экономическая успешность, институциональная структура России.*

JEL: A13, I25, J01, Z13

УДК: 316.3, 316.4, 331

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179

© Н.М. Плискевич, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Плискевич Н.М. Человеческий капитал профессионалов в современной России (размышления над новой книгой Н.Е. Тихоновой и её коллег) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №1. С. 165–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179.*

FOR CITATION: *Pliskevich N.M. Human Capital of Professionals in Modern Russia (Reflections on the New Book by N.E. Tikhonova and Her Colleagues) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 1. Pp. 165–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_165_179.*

В современном быстро развивающемся мире, вступившем в качественно новый этап научно-технического развития, принципиально важны качества человека, оказавшегося в новой для него ситуации, которая несёт для него не только новые блага и возможности, но и новые, неведомые ранее опасности и риски. Неслучайно философами был выведен закон техно-гуманитарного баланса, требующего соответствия трёх компонентов — технологического развития, качества культурно-психологической регуляции и устойчивости общества. Последняя сохраняется при соответствии друг другу первых двух компонентов данного триединства. При их рассогласовании, обычно происходящем в ситуации, когда уровень человеческого потенциала значительных масс людей оказывается недостаточен

для обеспечения культурно-психологической регуляции в новой технологической среде, эта устойчивость нарушается (например: [Назаретян, 2017]). По сути, о важности такой согласованности говорит и выработанный в рамках институциональной теории принцип соответствия трёх компонентов жизни общества — технологии, институтов и культуры [Балацкий, 2021]. Причём, как было проверено с помощью эконометрических расчётов на базе данных из 154 стран 2012–2019 гг., для тех стран, где этот баланс соблюдался, характерен высокий уровень жизни населения, и наоборот, его несоблюдение прослеживается в странах с уровнем жизни ниже среднего и низким [Balatsky, Yurevich, 2023].

Всё это говорит о важности исследований качественного состояния человеческого потенциала и в мире в целом, и в отдельных его странах. Для нас, разумеется, особый интерес представляют исследования того, каков человек современного российского социума, каковы его особенности, насколько он соответствует требованиям, предъявляемым ему современным миром. Среди обширной литературы, посвящённой самым разным аспектам развития и человеческого потенциала, и человеческого капитала современной России, особо хотелось бы выделить работы, выполненные группой исследователей под руководством Н.Е. Тихоновой. Представляется, что сегодня об этой группе можно говорить как об особой школе в исследованиях стратификации российского социума, выявления специфики этой стратификации и причин, её породивших, особенностях как материальных, так и нематериальных аспектов неравенства различных социальных групп. При этом важно, что в ходе исследований Н.Е. Тихонова и её коллеги углубляют методологические подходы к анализу, вводя в исследовательский арсенал новые инструменты, индексы. Это позволяет им дать более полную картину исследуемого объекта именно с качественной стороны, что особенно важно в современном меняющемся мире. Всё это отличает и многочисленные статьи членов данного коллектива, и монографии последних лет (нельзя не отметить такие работы, как [Модель..., 2018; Общество..., 2022]).

Важный шаг в своих исследованиях Н.Е.Тихонова и её коллеги сделали в недавно вышедшей монографии «Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы» [Человеческий..., 2023]. В качестве объекта этого исследования были выделены профессионалы как особая социальная группа. И здесь перед авторами возникла проблема, связанная с расплывчатостью характеристики понятия «профессионал» в научной литературе. Ведь важно было выделить группу, с одной стороны, обладающую высоким образовательным потенциалом, а значит, способную решать сложные задачи в меняющемся технологическом и социальном мире, но с другой — не обременённой при этом организационными проблемами, бесспорно важными, но относящимися скорее к деятельности руководителей или предпринимателей. К тому же категорию «профессионал» можно рассматривать и как особый социальный статус. Причём этому социальному статусу, скорее всего, окажется соответствующей значительная часть будущих читателей книги, да и сами её авторы — широко известные в своей среде высококвалифицированные профессионалы. Кроме того, была выявлена и группа «полупрофессионалов» как специалистов среднего уровня квалификации, занимающихся нефизическим, но достаточно рутинным трудом.

В ходе анализа используемых авторами данных была проведена «не просто техническая, но и довольно серьёзная перекодировка базовых оснований исходного классификатора ISCO-08, используемого в РМЭЗ и служащая основой ОМЗ» (С. 59)¹, что позволило отделить группу профессионалов от других групп². В результате к профессионалам в данном исследовании была отнесена группа, включающая в себя «всех работающих (вне

¹ Здесь и далее ссылки на страницы книги приведены в круглых скобках.

² Важно, что проверенные авторами на данных 2012–2021 гг. результаты перекодировки, предполагающей перемещение отдельных категорий между статусами руководителей, профессионалов, полупрофессионалов, служащих, работников сфер торговли и обслуживания, оказались устойчивыми. Это свидетельствует о качестве проведённой работы.

зависимости от отрасли трудовой деятельности) на предполагающих наличие высшего образования позициях, однако только на таких позициях, где выполнение управленческих функций не является основной деятельностью» (С. 60). Именно они стали объектом исследования в книге, а «человеческий потенциал её представителей и связанные с ним различные аспекты их жизни и деятельности — его предметом» (С. 60).

Помимо понятия «профессионал» исследование требовало и уточнения понятий «человеческий капитал» (ЧК) и «человеческий потенциал» (ЧП). Последнее, как известно, появилось после того, как в экономическую науку вошло понятие ЧК. О ЧП стали говорить социологи и экономисты, акцентирующие внимание прежде всего на нематериальных аспектах деятельности человека, богатстве его духовной личности, широте общегуманитарных познаний, которые он не предполагал «монетизировать». Однако с приходом нового этапа научно-технического развития всё большее число ранее немонетизируемых способностей и личностных качеств человека стало входить в круг экономического анализа. ЧК всё более вторгается в сферу ЧП, занимая не только такие его ниши, как, например, способность к образному мышлению или креативность, без которых не представляется сегодня возможность прорывов в сфере новых технологий, или просто межличностное доверие, отсутствие или слабость которого прямо влияют на успешность бизнеса. Произошло расширение сферы явлений, включаемых в понятие ЧК, и, как отмечает Р.И. Капелюшников, ныне определение ЧК, согласно ОЭСР, охватывает как рыночные, так и нерыночные аспекты процесса инвестирования в людей. Это — «знания, навыки, умения и способности, воплощённые в людях, которые позволяют создавать личное, социальное и экономическое благосостояние». ЧК — «понятие, которое полностью подпадает под определение капитала, выработанное экономической наукой. Инвестиции в него, подобно другим инвестициям, предполагают, что человек жертвует чем-то меньшим сегодня, ради получения чего-то большего завтра». Поэтому о накопленных человеком знаниях и компетенциях можно говорить как о капитале, так как он «является источником его будущих доходов, или будущих удовольствий, или того и другого вместе» [Капелюшников, 2012, С. 6–7].

Представляется, что полемика между наиболее последовательными сторонниками концепции ЧП и сторонниками концепции ЧК вряд ли продуктивна, особенно в современных условиях, когда, казалось бы весьма далёкие от сугубо экономической деятельности знания и умения, вдруг оказываются и монетизируются, иногда даже неожиданно для своих носителей. Напомню и то, что Г. Беккер в 1976 г. в переработанном введении к книге «Экономический подход к человеческому поведению» в связи с идущей полемикой о правомерности включения в экономический анализ всего разнообразия интересов человека, сфер его изучения и деятельности, отмечал, что в отличие от других общественных наук экономическую науку характеризует не предмет анализа, а подход к нему. Исследование человеческого поведения для экономиста важно прежде всего с точки зрения того, как этот человек использует «единственный (и невозобновимый) редкий ресурс, имеющийся в его распоряжении — время» [Беккер, 1993. С. 28]. Поэтому для него важны не абстрактные рассуждения о том, почему тот или иной человек или фирма использовали своё время нерационально. Для него важно «существование издержек, денежных или психологических, возникающих при попытках воспользоваться... благоприятными возможностями — издержки, которые сводят на нет предполагаемые выгоды и которые не так то легко “увидеть” сторонним наблюдателям» [Там же. С. 29].

Г. Беккер подчёркивает, что учёт многообразных неэкономических переменных столь же необходим для объяснения человеческого поведения, как и использование достижений социологии, истории, антропологии, политологии, правоведения и других дисциплин» [Беккер, 1993. С. 37]. Но при этом Беккер пишет: «...экономический подход предполагает плодотворную унификационную схему для понимания всего экономического поведения, хотя, конечно, и признаю, что многие его формы не получили пока объяснения и что учёт

неэкономических переменных, а также использование приёмов анализа и достижений других дисциплин способствует лучшему пониманию человеческого поведения» [Там же. С. 37–38]³.

Думается, что подобные рассуждения утвердили авторов книги в том, что в её заглавии должно быть всё же понятие ЧК, тем более, что предметом её анализа являются профессионалы как наиболее важная часть человеческого ресурса в быстро изменяющемся современном научном и технологическом мире. Очевидно, что именно от качественных характеристик профессионалов той или иной страны зависит то, какое место в системе глобального развития и международного разделения труда она сможет занять в самой ближайшей перспективе, что ждёт страну — прорыв в лидеры научно-технического развития или стагнация, ограничивающая не только экономический рост, но и уровень жизни её граждан, или даже деградация, откат от ранее завоёванных позиций в международной «табели о рангах».

При этом авторы монографии отнюдь не отвергают термин «ЧП», полагая, что в целом ряде случаев их анализа как раз этот термин оказывается более точным и уместным. Причём даётся чёткая мотивировка того, в каких случаях и по каким причинам используется тот или иной термин: «Это связано не только с проблематичностью в ряде случаев строгого доказательства капитализации изучаемых человеческих качеств, но и с сознательной установкой авторов книги на выход за рамки чисто экономического подхода. Ведь преимущества профессионалов как нового класса должны проявляться не только в относительно высоких доходах, но и в других аспектах, делающих их жизнь насыщеннее и богаче» (С. 25)⁴.

Кроме того, авторы обращают внимание на бытующее смешение понятий «капитал» и «ресурс». Они особо оговаривают различие в своей работе «“ресурсов”, которыми обладает индивид, “активов”, в которые превращаются ресурсы, востребованные на рынке, и “капитала”, в который превращаются эти активы, когда начинают приносить “ренды”, превосходящие затраты на формирование соответствующих ресурсов» (С. 17). При этом авторы оговариваются, что из-за сложившейся терминологической традиции нередко приходится использовать термин «капитал» как синоним «ресурса», способного в определённых условиях приносить такие ренты. Думается, эту оговорку важно учитывать при чтении книги, так как с рентой всё же обычно связываются доходы, не обусловленные (или не в полной мере обусловленные) именно капиталом. О ренте на ЧК и даже на ЧП можно рассуждать при наличии существенных расхождений в доходах от него, обусловленных факторами, не зависящими от инвестиций в знания, умения, навыки, общую культуру индивида. К таковым можно отнести, например, доходы, вытекающие из принадлежности к тем или иным социальным сетям, способствующим получению должности с более высокой оплатой

³ Уместно сравнить эти взгляды лауреата Нобелевской премии с подходом к реалиям современной жизни Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых, предлагавших перейти от линейной формы экономического анализа к нелинейной, называя её экономической синергетикой. В её рамках экономика рассматривается как целостность, вбирающая в себя всю совокупность процессов, окружающих рыночные отношения и пронизывающих их. Они размышляли о «системной конкретности единства способа производства и способа жизни» [Евстигнеева, Евстигнеев, 2016. С. 114]. Такой подход сделал естественным для них помещение социальных и культурных факторов общественного развития внутрь экономического анализа, сделать его предметом даже ментальность, «что позволило по-новому оценить субъектность этих отношений, возводя уровень их текущего бытования к высокому уровню Бытия» [Плискевич, 2016. С. 187]. Правда, боюсь, что представители других дисциплин могут счесть такой подход разновидностью «экономического империализма».

⁴ Некоторое уточнение в теоретические соображения по поводу используемых дефиниций приводит и автор заключения к книге, связывая понятие ЧК (правда, в его классической трактовке) с институтами «(поздне)капиталистического» общества, которые затем расширились до понятия ЧП, в котором многогранность работника рассматривалась не только как экономический ресурс, но и как самооценная личность. «Соответственно, на место “ЧК” прходит уже не “ЧП”, но и “человеческое развитие”» (С. 441).

или с доступом к высокодоходным клиентам, готовым оплачивать продукцию или услуги по ценам, существенно выше рыночных. К рентным доходам можно отнести и разницу в оплате труда как по территориальному, так и по отраслевому принципу. Однако всё же вряд ли уместно рассуждать о ЧК как о «системе рентообразующих активов, отражающих разные грани личности человека, эффективность формирования которых приходится на самые ранние этапы развития индивида» [Аникин, 2017. С. 136]⁵.

Все эти терминологические уточнения важны для читателей книги, ибо она даёт объёмную картину современного развития нашей страны, равно как и перспектив развития ЧК столь важной для успеха этого развития социальной группы, как профессионалы. Авторы книги сформулировали свою задачу как акцентирование «противоречия между авангардной ролью профессионалов в контексте глобального постиндустриального сдвига и относительно низким вниманием к этой социальной группе со стороны современных российских социологов» (С. 37). Более того, это противоречие не только чисто исследовательского плана. Оно вытекает из противоречивости, с одной стороны, стремления современной России к «военно-политическому и культурно-идеологическому лидерству», а с другой — её отставанием «в ряде социально-экономических характеристик и институтов» (С. 7). Это отражается и на том месте, которое российское общество занимает на «шкале» глобального развития. Если переход к постиндустриальному обществу связан с ростом в работающем населении доли профессионалов и руководителей, то в России, наоборот, «просматривается (хотя и не очень выражено) тенденция роста числа работников нефизического труда средней и низкой квалификации» (С. 83). Действует и тенденция сокращения занятости в индустриальном секторе, при этом тенденция сокращения числа неквалифицированных рабочих остаётся спорной. Как констатируют авторы, такая «внутренне противоречивая картина затрудняет прогнозирование дальнейших изменений социально-профессиональной структуры России как одного из ключевых индикаторов этапа развития российского общества в целом» (С. 84).

В таких сложных противоречивых условиях развитие отечественных профессионалов имеет свою специфику. Например, в исследовании отмечается незначительное даже у профессионалов желание постоянного повышения уровня своего образования, обучения в течение всей жизни. Они более склонны к углублению сугубо профессиональных знаний, но не общечеловеческого потенциала. Скорее всего, полагают авторы, это происходит потому, что в современной России обладание такими знаниями не влияет «на вероятность оценивать свой статус в обществе как хороший или иметь работу, обеспечивающую возможность для самореализации» (С. 242), хотя для экономической успешности общий ЧК имеет существенное значение.

В книге показано, что в современной России «социальная успешность профессионалов (объективная реализация ими своих представлений о жизненном успехе, обуславливающих восприятие ими своего статуса в обществе) и их экономическая успешность —

⁵ В то же время отмечу наличие исследований, в которых эволюция современного глобального мира трактуется как мутация капитализма с его созидательным началом, культом труда и наживы к стагнирующему обществу, предпочитающему спокойный дрейф бурному росту. Этому мутлирующему капитализму соответствует рентное общество, в котором доход обусловлен прежде всего не качеством ЧК и личными усилиями, а получением особых преимуществ и благоприятными условиями. Причём ключевым игроком, генерирующим получение ренты, становится государство «и как механизм институционального контроля, и как субъект распределения ресурсов (ренты)» [Фишман, Мартыянов, Давыдов, 2019. С. 3 90, 93]. При этом, подчёркивают авторы данной концепции, парадокс современного общества, всё более движущегося к расширению государственного перераспределения рентного типа, состоит в том, что переход к экономике творчества (а именно с ней мы связываем деятельность профессионалов, особенно высокого класса) сопровождается появлением всё новых объективных препятствий на пути самореализации [Там же. С. 307]. Отдача от ЧК становится менее значимой, чем от социального капитала. Этот фактор, думается, следует учитывать при анализе профессионалов, чей труд может рассматриваться как наиболее творческий по сравнению с трудом представителей других профессиональных групп.

два разных социальных феномена, зависящих от разных факторов» (С. 249). Что касается социальной успешности, то она вряд ли благополучна: более половины профессионалов «не расценивали свой социальный статус в обществе, как и возможности самореализации в работе или часть других очень значимых для них аспектов своей жизни, как хорошие» (С. 231). Если говорить об экономическом статусе, то доходы профессионалов, согласно исследованию хотя и выше, чем у остальных работающих, однако нельзя назвать эту разницу качественной. Лишь у 38% профессионалов доходы находятся в пределах от 1,25 до 2 медианных доходов, ещё у 12% они превышают 2 медианы (для остальных работающих, соответственно, 27 и 7%). По состоянию на весну 2022 г. разрыв составлял всего 1,65 раза (С. 237). Это свидетельствует о «недооценке высококвалифицированного труда в современной России. Эта недооценка их труда со стороны работодателей вообще и государства как крупнейшего из них в частности влияет и на субъективное ощущение профессионалами своей экономической (и отчасти социальной) успешности» (С. 237–238). При этом, сопоставляя доходы профессионалов из разных выделенных групп, авторы делают вывод, что «если для профессионалов со средним и низким качеством ЧП уровень индивидуальных доходов на работе в среднем пропорционален качеству этого потенциала, а роль соответствия полученной специальности профилю деятельности хотя и невелика, но всё же заметна, то у профессионалов с высоким качеством ЧП логика отдачи на него серьёзно нарушается» (С. 143). Авторы связывают это с отраслевыми, секторальными и территориальными диспропорциями в формировании зарплат этих профессионалов. В результате именно для этой группы профессионалов на российском рынке труда появляется «премия» за «готовность освоить новые специальности и переходить на рабочие места, где не хватает специалистов» (С. 144).

Нельзя также не отметить выявленную исследованием «широкую распространённость отчуждения в процессе труда среди профессионалов» (С. 250). Более половины из них не видят в своей работе возможностей для самореализации, а около трети даже не считают её интересной. Неудивительно в этой связи, что исследование выявило значительную распространённость среди профессионалов рутинного труда. Это может быть показателем того, что современная российская экономика пока не в состоянии обеспечить профессионалов рабочими местами, соответствующими качеству их ЧК, тем более, что многие из них не удовлетворены своей работой. Причём эта неудовлетворённость, несоответствие её стремлению к самореализации отмечается и у тех профессионалов, которые окончили аспирантуру, магистратуру, имеют два высших образования. При этом отмечено, что каждый десятый профессионал (а среди занимающих наиболее привлекательные рабочие места — почти каждый четвёртый) предпринимает усилия по наращиванию своих социальных сетей, поскольку рассматривают этот ресурс как один из ключевых факторов жизненного успеха в целом. Особенно характерно инвестирование времени и средств в наращивание ресурса сетей, а не ЧК для профессионалов, занятых на рабочих местах, где предпочитают общие компетенции, а не углублённую специализацию (С. 222).

Причины многих сложившихся в современной России ситуаций авторы книги видят в дефектах её институциональной структуры. Есть много ссылок на то, что в иных институциональных условиях у профессионалов были бы более разнообразные стимулы и к поиску более интересной работы, и к росту своего образовательного потенциала, включая его общий компонент, к развитию культурного капитала, к самосовершенствованию. Однако представляется, что простое указание на несовершенство институциональной среды в данном случае всё же недостаточно. Такое самоограничение авторов, возможно, объясняется тем, что в отечественной научной среде утвердилось мнение, что процесс постсоциалистических институциональных преобразований остался позади, новая институциональная структура в целом создана. В то же время нельзя не признать и того, что и структурные преобразования в экономике, и создание новых социальных институтов

не только не завершилось, но и в чём-то вернулось к похожим на прежние конструкции. Думается, эта незавершённость постсоциалистической трансформации и оказывается главной проблемой для всех слоёв общества, но прежде всего для профессионалов как наиболее чувствительных к ценностям саморазвития, самосовершенствования, творческой свободы.

Отмечу, что данный аспект проблемы хорошо известен авторам книги, неоднократно указывавшим на него. В частности, Н.Е. Тихонова и её коллеги нередко опирались на идеи О.И. Шкаратана об особенностях отечественной институциональной структуры, сложившейся к началу 2000-х гг. Он, как известно, подчёркивал, что в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы, где социалистический порядок «полностью или по большей части ушёл в прошлое, в России он изменился, трансформировался как неозакратизм». В результате «либерализованная экономика постсоветской России приобрела неадекватную, архаическую социальную и политическую «оболочку»» [Шкаратан, 2012. С. 337, 361]. Всё это деформирует социальные отношения, является основой углубления неравенства и ставит серьёзные ограничения развитию ЧК всех слоёв общества, в том числе и профессионалов. Отмечу также, что среди авторов цитируемых в книге работ мы видим и Р.М. Нуреева — одного из ведущих исследователей проблемы укоренения и в досоветской, и в советской, и в постсоветской России системы власть-собственность как особой институциональной системы с характерной для неё «связкой» власти и собственности при решающем влиянии первой на вторую (причём цитируются работы, написанные Нуреевым в соавторстве с одним из авторов рассматриваемой книги — Ю.В. Латовым). Эти и многие другие исследования говорят не просто о незавершённости постсоциалистической трансформации, но и о том, что исходная социальная структура во многом была следствием незавершённости преобразований российского общества, начатых ещё Александром II. Поэтому представляется, что для дальнейшего исследования темы профессионалов имеет смысл рассматривать их в более углублённом институциональном контексте.

Нельзя не учитывать и то, что процесс посткоммунистической трансформации долгов и противоречив. Для него характерны чередования периодов и резкого продвижения реформ, и откатов назад, и стагнации. В этом плане даже у стран Центральной и Восточной Европы отнюдь не всё столь благополучно. И там их развитие сопровождается разными «зигзагами». Потому при анализе социальных процессов надо учитывать, что мы находимся внутри периода качественных институциональных изменений, который ещё далеко не завершён.

В структуре книги выделяются важнейшие для изучения состояния ЧК профессионалов блоки проблем, затрагивающих как место профессионалов в обществе не только России, но и всего мира, так и особенности количественного и качественного развития российских профессионалов. К сожалению, в содержании книги не сделана разбивка глав по отдельным блокам анализа, хотя автор введения и разъясняет эту структуру. В первом блоке выделяется анализ имеющихся в литературе подходов к анализу ЧК в период постиндустриального развития, а также методология и методика идентификации профессионалов как особой группы в профессиональной литературе и принципы, которые были использованы в книге. Второй блок объединяет главы, посвящённые специфике ЧК профессионалов России в общей картине динамики социальных изменений общества. Особое внимание уделяется проблемам качества ЧК российских профессионалов, его состоянию и процессам изменения в нём, а также роли факторов качественной дифференциации среди профессионалов. В третьем блоке сгруппированы главы, касающиеся как социальной, так и экономической успешности профессионалов в современной России и того, в какой мере эта успешность оказывает влияние на качество их ЧК. Здесь же анализируются проблемы бедности и малообеспеченности профессионалов, а также её масштабы. Наконец, четвёртый блок статей касается проблем миграционной и досуговой активности российских

профессионалов как фактор, оказывающий влияние на имеющиеся у них ресурсы и возможности их капитализации. Правда, две последние главы, включённые в четвёртый блок, я бы выделила в особый пятый блок, так как они посвящены темам сравнения ЧК современных российских профессионалов и их коллег из других стран, а также перспективам международной конкурентоспособности российских профессионалов в свете выявленных в исследовании тенденций эволюции их ЧК.

Разумеется, обо всём богатстве материала книги невозможно рассказать в статье. О части аспектов анализа авторов было сказано выше. Здесь же ограничусь несколькими темами. Прежде всего это тема качества ЧК российских профессионалов. Имеющийся в распоряжении авторов массив эмпирических данных всё же, как представляется, даёт неполную картину. И сами авторы признают недостаточность таких данных. Тем не менее, привлекая к анализу и другие имеющиеся в их распоряжении данные (например, доходы различных групп профессионалов, особенности ЧП родителей, особенности досуговой активности и т.п.), авторы даже на такой заведомо суженной базе смогли выявить некоторые тенденции, заслуживающие внимания.

Во всём массиве работающих были выделены пять групп профессионалов. Первая — малоквалифицированные специалисты (на конец 2021 г. она составляла от 10% работающих в крупных городах до 30% в сельской местности; в среднем по стране — около 15%). Самые массовые позиции в данной группе — бухгалтеры, учителя, методисты школьного образования. В эту группу с низким качеством ЧК, составляющую 16% всех профессионалов, попали и 18% всех преподавателей (без учёта преподавателей вузов).

Вторая группа имеет среднее качество ЧК, но работает не по профилю полученного образования (32% профессионалов). В неё входят бухгалтеры и счетоводы, школьные учителя (попадают в неё в 41% случаев), но также и программисты, инженеры, мелкие чиновники, служащие госструктур. 84% входящих в эту группу имеют высшее образование, 13% — диплом о среднем специальном образовании. Третью группу составляют носители среднего качества ЧК, работающие по полученной специальности или смежной с ней. Она составляет 18% профессионалов. Чаще всего входящие в неё работают в школах, бухгалтерами (но в отличие от второй группы бухгалтерами высшей квалификации).

Четвёртая группа (20% профессионалов) имеет высокое качество ЧК, но работает не по полученной в вузе специальности. 99% входящих в неё имеют высшее образование. Авторы отмечают, что многие попавшие в эту группу работают не по специальности по материальным причинам, хотя многочисленность этой группы во многом обусловлена спецификой классификации профессий. Например, в этой классификации нет позиции «преподаватель вуза», из-за чего многие попали в четвёртую группу. Пятая группа состоит из носителей высокого качества ЧК, работающих по полученной специальности (15% профессионалов). Наиболее массовые профессии — юристы и врачи. Интересно и то, что её представители реже, чем в других группах, заканчивали школу в сельской местности. Авторы отмечают, что хотя представители этой группы находятся в наиболее благоприятном положении и по доходам, и по самооценке, даже в ней далеко не все удовлетворены ситуацией на работе (5% даже в последний год занимались обучением по программе переквалификации) (С. 138–143).

В то же время авторы, выделяя пять вышеназванных групп профессионалов, специально подчёркивают, что мы имеем особую группу работающих, при выделении которой и особенно при её внутренней дифференциации, нельзя ограничиваться только такими широко применяемыми характеристиками, как уровень образования и даже получившими большое распространение оценками использования возможностей цифровых технологий и т.п. Не менее важны оценки когнитивных навыков профессионалов, благодаря качеству которых и образовательные (как общие, так и специальные), и цифровые знания могут использоваться по-разному. Возможно, недостаточность требований образовательных

учреждений (и средних, и высших) к развитию когнитивных способностей своих выпускников частично объясняет тот факт, что «при общем переизбытке лиц с дипломом о высшем образовании в российской экономике ощущается дефицит работников с высоким качеством ЧП» (С. 147).

Между тем развивать когнитивные навыки, равно как и воспитывать интерес к получению общекультурных знаний самого широкого профиля надо с раннего детства, когда ребёнок познаёт мир, впитывает в себя всё новые и новые знания и ценностные установки. Это задача как семьи, так и всей системы дошкольного и среднего образования. Впрямую эта тема в книге практически не затрагивается, но всё же ряд представленных в ней данных позволяет судить о роли этого компонента ЧП профессионалов и о проблемах с его качеством. Разумеется, здесь, как и в других случаях, важную роль играет территориальный фактор. Так, 73% профессионалов с наибольшими баллами (от 5 до 7) по Индексу качества ЧП РМЭЗ 2021 г. проживали в Москве, Санкт-Петербурге и центрах субъектов РФ (С. 180). В то же время важнейшую роль в будущей судьбе ребёнка играет то, кем являются его родители. Например, в семьях, где родители занимали позиции руководителей и профессионалов в той же группе оказались и 47% детей; в семьях, где один из родителей — руководитель или профессионал, а второй — полупрофессионал или офисный служащий, 48% детей стали руководителями или профессионалами. По мере снижения профессионального статуса родителей сокращается и процент детей, достигших статуса руководителей или профессионалов, и у детей рабочих и рядовых работников торговли и сферы услуг таковых уже 23% (С. 204). Впрочем, наибольшее число родителей — руководителей и профессионалов у самой молодой категории опрошенных россиян (17%), а наименьший (6%) у тех, кому больше 65 лет (С. 205).

Интересны и данные о степени «воспроизводства» вхождения в средний класс выходцев из разных семей. Согласно расчётам, 86% тех, у кого хотя бы один из родителей был руководителем или профессионалом (как минимум, офисным служащим), сами стали руководителями или профессионалами, причём в 40% случаев они входят в ядро среднего класса, а в 46% — в периферийную его зону и лишь 14% оказались в трансграничной зоне между средним и низшим классом. Среди нынешних полупрофессионалов и офисных служащих, вошедших в средний класс, 69% — выходцы из семей, где хотя бы один родитель имел высшее образование, в том числе 16% из них входят в ядро среднего класса, 53% — в периферийную его часть, а 31% — в трансграничную зону. А среди рабочих и рядовых работников торговли и сферы услуг в средний класс попали 40% выходцев из семей, где хотя бы один из родителей имел высшее образование, причём среди них нет вошедших в ядро среднего класса — все сосредоточены в периферийной его части при 13% вошедших в трансграничную зону, а 48% — в низший класс (С. 215).

Авторы книги в целом констатируют, что в современной России «доминируют процессы классового воспроизводства» (С. 216), но в то же время консерватизм классовой структуры соседствует с «достаточно большой открытостью профессиональной структуры российского общества, выступающей “социальным лифтом” как вверх, так и вниз для представителей всех классов» (С. 217). Это относится и к профессионалам: среди них и руководителей лишь каждый пятый вырос в семье, где такими же были и родители, а с учётом тех семей, где только один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — полупрофессионалом или рядовым офисным служащим, эта доля составляет лишь четверть» (С. 217).

Такие данные об особенностях воспроизводства социального статуса обычно трактуются как фактор наличия определённого социального капитала, встроенности в те или иные социальные сети. Авторы видят в изменении профессиональной структуры свидетельство сокращения занятости в индустриальном секторе, роста числа рабочих мест в третичном и четвертичном секторах экономики. В то же время, особенно при дальней-

ших исследованиях эволюции социальной структуры российского общества и особенно наиболее продвинутой его части — профессионалов, представляется интересным проинтерпретировать имеющиеся данные основания ЧП в раннем возрасте. Разумеется, характеристики социального статуса и уровня ЧК, особенно культурного капитала нельзя смешивать: может быть социально высокостатусная семья с низкими культурными запросами, не выходящими за рамки представлений массовой культуры, и наоборот. Однако обычно в семьях достаточно образованных родителей детям также стремятся привить интерес к получению знаний, развивать у них стремление к освоению культурных ценностей.

Всё же проведённый авторами анализ досуговой активности профессионалов, охватывающий последние 10–15 лет, пусть и ограниченный рамками имеющихся социологических данных, приводит к не совсем утешительному выводу. В этот период увеличилась доля профессионалов, а также руководителей и предпринимателей, ориентирующихся на образовательно-деятельностный досуг в противовес развлекательно-образовательному (среди других выделенных групп населения она либо уменьшилась, либо осталась на прежнем уровне) (С. 356). Однако темпы изменений предпочтений профессионалов «в сторону продвинутых видов досуга оказались несоизмеримы той роли, которая отводится профессионалам в современном мире» (С. 357).

Корни этих процессов стоит искать прежде всего в семейной атмосфере. Многие упущения в сфере семейного воспитания связаны и с историей формирования современного российского общества, и с чрезмерной загруженностью родителей. Но если родители не слишком много внимания уделяют совершенствованию своего культурного уровня и не озабочены тем, чтобы интерес к знаниям вообще и к общей культуре прививать детям, то эти пробелы призвана восполнить система дошкольного воспитания, равно как и система среднего образования. В советские времена эту роль играла и система разного рода бесплатных групп и кружков по интересам в школах, дворцах пионеров и т.п. Известно, что многие будущие изобретатели, учёные, исследователи, а также актёры, художники, писатели начинали именно там. К сожалению, эта сфера практически лишилась финансирования и не может играть той роли, какую играла ранее. Выпадение этого института из образовательной и культурной системы должно было компенсировать государство, создав в новых условиях новые, адекватные им институты и обеспечив им достаточное финансирование. К сожалению, в данной сфере явно просматривается «провал государства».

Финансовые проблемы имеются и у существующих учреждений дошкольного и среднего образования. А это сказывается на уровне ЧК тех, кто работает в этих учреждениях. Разумеется, мы и там встречаем и увлечённых своим делом специалистов с достаточно высоким ЧП, и они передают его детям, которым повезло оказаться рядом с такими педагогами и воспитателями. Однако не будем забывать и о данных, приводимых в книге: значительная доля малоквалифицированных профессионалов с низким Индексом КЧП (не выше 3 баллов) составляют учителя и методисты школьного образования (С. 140). Это сказывается и на разнице Индекса КЧП выпускников обычных средних школ и гимназий, лицеев, школ с углублённым изучением предметов. Если у выпускников обычных средних школ 2021 г. ИКЧП не выше 3 баллов имели 16%, то у выпускников гимназий и т.п. — 6%. Соответственно различия по баллам между обычными выпускниками и гимназистами были: по 4 баллам — 22 и 29%, по 5 баллам — по 29, по 6 баллам — 34 и 52% (С. 186).

Это создаёт дополнительные проблемы у вузов, в задачу которых и входит обучение поступающих к ним бывших школьников основам профессионального мастерства, так как накопленный ими ЧП часто не позволяет полноценно продолжать образование. Так, Г.Е. Зборовский и П.А. Амбарова на основе многолетних исследований мотивации студентов, в которой они выделили сформированность образовательной мотивации и готовность к обучению в вузе, выделили четыре типологические группы студентов: 1) те, кто хочет и может учиться (не более 15%); 2) те, кто хочет, но не может учиться (около 40%); 3) те, кто

может, но не хочет учиться (30%); 4) те, кто не может и не хочет учиться (15%) [Зборовский, Амбарова, 2019. С. 106]. Такие дефекты образовательной мотивации — во многом следствие «деформации школы как социального института» [Там же. С.105].

В дальнейшем такого рода выпускники и средних, и средних специальных, и высших учебных заведений входят в трудовую жизнь и нередко становятся серьёзной проблемой для работодателей. В то же время, с одной стороны, наиболее подготовленная их часть не может найти рабочие места, соответствующие уровню их знаний и компетенций, но с другой — эти рабочие места создаются крайне медленно, так как не везде их создатели могут рассчитывать на то, что ЧП местных жителей будет адекватен новым технологиям. Корни же этого часто лежат и в пробелах в образовании, в нежелании большинства (даже среди профессионалов) включаться в системы дополнительного образования. Причём, как замечают авторы книги, сама сложившаяся в стране ситуация «демотивирует российских профессионалов в отношении сохранения, обновления и наращивания своего ЧП» (С. 222). К различным способам наращивания своего ЧП (как формальным, так и неформальным) прибегала лишь половина из них, в том числе к углублению знаний по специальности — всего четверть (С. 222). При этом социологические данные, используемые в книге, не позволяют судить о том, какая доля профессионалов стремилась к развитию своих когнитивных способностей. Хотя, если вспомнить, например, исследования А.С. Ахиезера, то причину недостаточной способности нашей страны своевременно переходить к интенсивным формам хозяйствования, вырабатывать соответствующие программы и решения нужно искать «в сфере всё той же способности (неспособности) субъекта развивать свои способности, в сфере возможности выходить за рамки сложившейся культуры, смыслов, методов, конкретизировать сложившуюся человеческую реальность, идти по пути возвышения абстракций, замещения насилия диалогом» [Ахиезер, 2008. С. 331].

Но возникает вопрос: знают ли современные профессионалы (равно как и руководители, предприниматели, да и другие слои общества) о важности этой проблемы, о насущной необходимости попыток её решения на каждом индивидуальном уровне? Ведь ЧП (или ЧК) каждого неотделим от своего носителя, и осознание им необходимости саморазвития — шаг в индивидуальном развитии, но в то же время и в развитии общественном. Надо помнить, что «важный тип знаний — знание о незнании» [Ахиезер, 2008. С. 179]. Думается, что авторскому коллективу, возглавляемому Н.Е. Тихоновой, было бы интересно продолжить более углублённое изучение качественных параметров ЧП профессионалов, специфики их культурного уровня, воспитательных практик, применявшихся ранее и используемых теперь в семьях. Разумеется, это потребовало бы специально подготовленного социологического инструментария, разработки специфических методов анализа и т.п. Но «школа Тихоновой» не раз демонстрировала оригинальность и продуктивность своих подходов при исследовании разнообразных сторон социальной стратификации российского общества.

При всей важности качественных характеристик оценки ЧК профессионалов при анализе их успешности в современной России (как в объективном, так и в субъективном плане) исследование показывает, что в сегодняшней реальности они играют не столь важную роль, как хотелось бы. Не говоря о недостаточности уровня их монетизации, чётко прослеживается роль территориального фактора жизни профессионалов (как, впрочем, и других слоёв российского населения). Именно этот фактор влияет не только на возможности наращивания ЧК, но и на возможности его успешной реализации в плане и монетизации, и встраивания в социальные сети, способствующие, в частности, карьерному продвижению, и улучшению качества жизни. Не случайно тема миграции обретает у профессионалов особую значимость. Это демонстрирует и специальная глава книги, посвящённая анализу их миграционной активности. Сказывается и динамичность современного мира, в котором ранее полученные знания могут в некомфортной для них среде быстро амортизироваться. Поэтому для специалиста с высоким уровнем образования столь важно найти

адекватное ему рабочее место. В противном случае с появлением на рынке труда новых когорт профессионалов, обладающих более продвинутым набором знаний, приходится смещаться на позиции, нередко предполагающие выполнение рутинных трудовых обязанностей, не подразумевающих ни саморазвития, ни творчества. Поэтому у российских профессионалов самых разных возрастов среди мотивов их пространственных перемещений на первом месте стоит работа (60–70%) и лишь на втором — «личные обстоятельства» (48–50%). Кроме того, важную роль играет и мотив получения образования (25–28%). При этом иерархия мотивов миграции оказывается различной у профессионалов, проживающих в разных частях нашей огромной страны. Так, среди профессионалов Москвы и Санкт-Петербурга существенно ниже доля меняющих место жительства ради работы (41%) или обучения (7%), но на первое место у них выходят личные обстоятельства. А профессионалы из центров субъектов РФ при миграции чаще, чем в целом, руководствуются мотивом «работа». В поселениях других типов на первый план выходит мотив «обучение» (С. 317–321).

Такая смена значимости мотивов не удивительна. Она отражает разные возможности получения интересной и более высоко оплачиваемой работы прежде всего в двух столицах, далее в этой иерархии следуют центры субъектов РФ, крупные города и т.д. Данные, приведённые в книге, лишь подтверждают достаточно известную картину внутрироссийской миграции, для которой характерен отток населения из сельской местности и небольших городов в более крупные и из них — в города-миллионники и центры субъектов РФ и, наконец, в московскую и Санкт-Петербургскую агломерации. Автор главы резюмирует это так: «Столицецентричная модель социально-экономического развития приводила к однонаправленному (центробежному)⁶ потоку внутристрановых мигрантов, который в случае с рассматриваемой профессиональной группой усугублялся отторжением вариантов переезда ниже крупного областного центра, а также переходом внутристрановой миграции в межстрановую» (С. 337).

Весьма интересны сегодня и выводы специального раздела, посвящённого миграции профессионалов в 2022–2023 гг. Отмечается, что за последние 6 лет (для сравнения взят 2017 г., так как известно, что в 2022 г. межстрановая миграция была аномальна; правда, скорее всего эта аномальность сказалась и на приведённых сравнительных данных 2023 г.) доля желающих уехать из страны уменьшилась в 2 раза, перебраться в одну из двух столиц — в 2,3 раза, в другой российский город — в 3 раза (С. 329). Улучшилось и восприятие профессионалами места своего проживания: в 2017 г. оценивали его как хорошее 37%, 56 — как удовлетворительное, 7% — как плохое; в 2023 г. эти показатели были, соответственно, 56, 43 и 1% (С. 329). В целом во всех группах профессионалов внутристрановые миграционные стремления сложились. Однако автор главы повторяет, что это «не будет способствовать ни приращению ЧК, ни получению более высоких отдач от уже имеющихся знаний, умений и навыков, ни избавлению от “квалификационной ямы”» (С. 335–336). Кроме того, на фоне сокращения миграционных настроений «ориентация на эмиграцию среди “сильных” подгрупп профессионалов (молодёжи, оценивающих своё материальное положение как хорошее, проживающих в двух столицах, имеющих более качественное образование) не изменилась» (С. 336).

Но если эмиграционные настроения среди профессионалов достаточно велики, то возникает вопрос: конкурентоспособен ли в массе своей их ЧК, даже если мы ограничимся группами, характеризующимися внутри страны как обладающими высококачественным ЧК? Этот вопрос также интересует авторов книги, которые постарались дать ответ на него на основе имеющихся у них социологических данных. В качестве базы сравнения использо-

⁶ Хотелось бы обратить внимание авторов книги, что ошибочное применение термина из физики делает бессмысленной саму фразу, так как «центробежные» силы устремляются *от центра* в отличие от «центростремительных», тянущихся *к центру*. К сожалению, эта ошибка повторяется не раз.

вались данные общей программы «Трудовая деятельность» Международной программы социальных исследований (ISSP), к которой Россия присоединилась в 1991 г. Для сравнения были отобраны 15 стран, представляющих разные группы: постсоциалистические страны Европы (Латвия, Чехия, Венгрия); неевропейские страны из разных регионов мира (Япония, Мексика, Венесуэла, Индия, Китай); страны западной цивилизации с разными моделями экономики (США, Великобритания, Швеция, Норвегия, Германия, Испания, Израиль). Сравнивались данные последнего проведённого по данной программе исследования — 2015 г. (следующее намечено на 2025 г.).

Имеющиеся данные позволяли сравнивать показатели разных стран по таким критериям, как длительность базового образования и использование накопленного производственного опыта. Однако специфика образовательной и трудовой деятельности профессионалов в разных странах вынуждала трактовать имеющиеся данные со многими оговорками, затрудняющими оценку качества ЧК российских профессионалов в сравнении с их зарубежными коллегами. В целом сравнительные данные, касающиеся российских профессионалов, характеризуются как «средне слабые». Но всё же исследование позволило выявить одну линию, по которой российские профессионалы явно отстают от зарубежных. Она связана с необходимостью постоянного обновления своего ЧК: за рубежом профессиональное переобучение в течение года проходят 65–75% работников, в России же — только 26%. Похожий показатель только у Индии (29%), а у других ближайших по данному показателю к России стран — Венгрии и Израиля — он почти в 2 раза выше (соответственно, 47,9 и 48,4%) (С. 379).

В целом сопоставление качеств ЧК российских профессионалов, правда, по достаточно узкой базе для сравнения, приводит авторов к печальному выводу о том, что с учётом роли профессионалов в деле технологического прорыва приходится поставить под большой вопрос «даже потенциальную возможность обгоняющего развития России. Размеры их отставания от коллег в других странах таковы, что скорее можно говорить об образовательном разрыве — о качественном отставании образовательных характеристик отечественных профессионалов от аналогичных характеристик их коллег даже в странах типа Мексики» (С. 399). Правда, тут, возможно, стоит вспомнить о том, что данное сравнение проводилось без той перекодировки профессий, которая была специально сделана авторами для российского исследования особенностей ЧК профессионалов. Поэтому в сравнениях с зарубежными коллегами в категорию профессионалов попали и те, кто, формально имея высшее образование, работают на должностях, предполагающих рутинную работу. По сути, система высшего образования России выпускает не только профессионалов, но и квазипрофессионалов, почти не страдающих от амортизации профессиональных знаний (С. 405–406).

Поэтому представляется, что картина межстранового сравнения профессионалов с высоким качеством ЧК из России и их зарубежных коллег может быть и иной. Хотя нельзя не учитывать и того, что наша страна всё ещё не перешла от стадии позднеиндустриального общества к постиндустриальному. А это, как показано в книге, отражается на качестве ЧК её профессионалов. При этом исследования последних десятилетий свидетельствуют о росте проблем с востребованностью качественного ЧК профессионалов, о сложном сочетании в этом прогрессивных и регрессивных тенденций (С. 415).

Эти тенденции отмечали и эксперты, изучающие проблемы развития отечественных профессионалов и сами являющиеся таковыми, которые были опрошены в ходе работы над исследованием. Они, например, фиксировали такую тревожную тенденцию последних лет: перспективы развития профессионалов в России связаны с тем, что формальная часть институциональной среды меняется неблагоприятным образом, поэтому прогноз развития профессионалов пессимистичен. При этом «главная российская проблема — проблема плохих рабочих мест, а не плохого ЧК» (С. 423). По мнению авторов, «тенденции эволюции

российских профессионалов примерно соответствует тенденциям эволюции российской экономики в целом. Открывшееся в начале 2000-х гг. «окно возможностей» уже в 2010-х гг. заметно «сузилось», что сказалось и на качестве ЧК отечественных профессионалов» (С. 438).

Подводя итоги рассмотрения профессионалов России как особой социальной группы с высоким образовательным статусом, занятой неуправленческой деятельностью и нефизическим трудом, требующим творческого подхода к решению задач и самовыражения, но нередко оказывающихся в ситуации, ограничивающей её самостоятельность рутинностью выполняемых функций, нельзя не отметить достаточно сильную дифференцированность этой группы. Её представители отличаются не только по качеству общего и специального образования, по отраслям своей деятельности, но и по возрастным и территориальным критериям. Всё это и многое другое (например, встроение в те или иные социальные сети) формирует разнообразные «линии раскола» между профессионалами как общностью, тормозит «формирование профессионалов как единой социальной группы с общими условиями жизни и общими интересами». А такая группа необходима в новых условиях перехода от позднеиндустриальной к постиндустриальной экономике. Именно она должна создавать «качественно новые критерии социальной успешности» (С. 445).

Профессионалы больше, чем какая-либо другая социальная группа современного российского общества подходит на эту роль. У них уже просматривается ряд качественно новых характеристик, «существенно выходящих за рамки социальной нормы индустриального общества» (С. 448). Однако выражены они пока не ярко, так как сдерживаются рядом институциональных барьеров, тормозящих развитие страны в целом и её профессионалов в частности.

Поэтому динамичные изменения последних 20–25 лет в жизни профессионалов — скорее количественные, нежели качественные. Думается, что для перехода в новое качественное состояние этой важнейшей для успешного научно-технического развития группе нашего населения необходим пересмотр многих аспектов проводимой государством социальной политики. Это и развитие всей системы образования и воспитания в направлении не только предоставления сугубо профессиональных знаний, но и формирования творческого потенциала личности, её когнитивных способностей. Это и стимулирование условий для создания таких рабочих мест, в которых творческие способности профессионалов смогли бы раскрыться наиболее полно. Всё это должно стать приоритетами социальной политики государства. Оно, как представляется, должно творчески сотрудничать с современными формами социальной активности гражданского общества. В деле поддержки профессионалов как авангарда движения к постиндустриальному миру ни у государства, ни у общества не должно быть «провалов». Вдумчивому, профессиональному решению этих задач, без сомнения, будет способствовать анализ богатого содержания новой монографии Н.Е.Тихоновой и её коллег.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аникин В.А. (2017). Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки [Anikin V.A. (2017). Human Capital: the Formation of the Concept and Basic Interpretations] // *Экономическая социология*. Т. 18. № 4. С. 120-156.
- Ахиезер А.С. (2008). Человек в поисках полноты бытия [Akhiezer A.S. (2008). Man in Search of the Fullness of Being] // А.С. Ахиезер (2008). Труды. Т.2. — М.: Новый хронограф. С. 11-283.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития [Balatskiy Ye.V. (2021). The Principle of Consistency in the Theory of Social Development] // *Terra Economicus*. Т.19. № 1. С.36-52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52
- Беккер Г.С. (1993). Экономический анализ и человеческое поведение [Becker G.S. (1993). Economic Analysis and Human Behavior] // *THESIS*. Т.1. Вып. 1. С.24-40.

- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. (2016). *Стратегия экономического развития России: теоретический аспект* [Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. (2016). *Russia's Economic Development Strategy: Theoretical Aspect*]. — М.: URSS.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. (2019). Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах [Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2019). *The Dream of a Good Education: Contradictions in the Development of Educational Communities in Russian Universities*] // *Мир России*. № 2. С.98–124. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-98-124.
- Капелюшников Р.И. (2012). *Сколько стоит человеческий капитал России?* [Kapelyushnikov R.I. (2012). *How Much is Russia's Human Capital Worth?*] Препринт WP3/2012/06. Серия WP3. Проблемы рынка труда. — М.: НИУ ВШЭ.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018). [Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons (2018)]. — М., СПб.: Нестор-История.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan, A.P. (2017). *Non-linear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology and Psychology in Global Forecasting*]. — М.: Аргмак — Медиа.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России (2022). [Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia (2022)]. — М.: Весь Мир.
- Плискевич Н.М. (2016). В поисках новой экономической стратегии (Рецензия на книгу Л.П. и Р.Н. Евстигнеевых «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект») [Pliskevich N.M. (2016). *In Search of a New Economic Strategy (Review of the Book by L.P. and R.N. Evstigneev «Strategy of Economic Development of Russia: Theoretical Aspect»)*] // *Мир России*. № 4. С.185–195.
- Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. (2019). *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии* [Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. (2019). *Rental Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy*]. — М.: ИД ВШЭ.
- Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы (2023). [Human Capital of Russian Professionals: Status, Dynamics, Factors (2023)]. — М.: ФНИСЦ РАН.
- Шкаратан О.И. (2012). *Социология неравенства. Теория и реальность* [Shkaratan O.I. (2012). *Sociology of Inequality. Theories and Reality*]. — М.: Изд. дом ВШЭ.
- Balatsky, E., Yurevich, M. (2022) Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence // *Forsight and SYI Governance*. No. 3 (16). Pp. 35–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.35.48. (In Russ.).

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

HUMAN CAPITAL OF PROFESSIONALS IN MODERN RUSSIA (REFLECTIONS ON THE NEW BOOK BY N.E. TIKHONOVA AND HER COLLEAGUES)

Abstract. The book «Human capital of Russian professionals: status, dynamics, factors» by N.E. Tikhonova and her colleagues, published in 2023, continues the cycle of their long-term research into various aspects of the state and development of Russian society. Professionals as the subject of analysis of this work are of great interest not only for sociologists, but especially for economists. The prospects for realizing the opportunities that open up for Russia at the new stage of scientific and technological development depend decisively on the quality of professionals. The article analyzes the contents of the book, notes the methodological innovations used by the authors, clarifies the formulation of such concepts as «professional», «human capital», «human potential», etc. Particular attention is paid to the problem of qualitative characteristics of the human capital of professionals, the problems of their social and economic success. The role of the territorial characteristics of the country in the processes of both the formation of human capital and its monetization as motives for the migration activity of professionals is considered. Obstacles in the development of professionals are noted, which are posed by the imperfections of the existing institutional structure in Russia.

Keywords: *professional, human capital, human potential, social success, economic success, institutional structure of Russia.*

JEL: A13, I25, J01, Z13.